

Мы в ответе за своё будущее. Попытка компаративного анализа романов Дж.Оруэлла «1984» и Е.Замятина «Мы»

С давних времён люди задумывались о будущем, пытаясь предугадать и смоделировать, каким будет общество: государственное устройство, отношения между людьми. Мечты человечества о светлом будущем нашли своё воплощение в жанре утопии, самыми известными представителями которого считаются Томас Мор, Томмазо Кампанелла, Френсис Бэкон. В XX веке, с его мощным скачком в развитии науки и техники, повлёкшим за собой дотоле неведомые трансформации в общественном устройстве и оказавшим непосредственное влияние на конкретного человека, сладкие мечты о «молочных реках с кисельными берегами» уступили место реальной тревоге за будущее человечества. Этот факт не замедлил сказаться на появлении нового жанра - романа-предупреждения, или антиутопии.

В первой половине XX столетия антиутопии появляются одна за другой: в 1924г. – роман «Мы» Е.Замятина, в 1932г. – «В прекрасном новом мире» О.Хаксли, в 1948г. – «1984» Дж.Оруэлла. В каждом из произведений время действия перенесено в далёкое (у Замятина и Хаксли) или обозримое (у Оруэлла) будущее и сделана попытка проанализировать сущность описанных в них государственных режимов, тоталитарных или демократических, их непосредственное влияние на жизнь конкретной личности.

Сопоставление романов Е.Замятина «Мы» и Дж.Оруэлла «1984» представляет интерес по целому ряду причин:

- будучи представителями двух разных культур, русской и английской, оба автора описали в своих романах тоталитарное государство;
- ярый приверженец социалистических идей, англичанин Оруэлл изобразил в своём произведении систему, во многом напоминавшую советское государство;
- русский писатель Замятин работал над своим романом, будучи в эмиграции, оставаясь патриотом, но не принимая социальных преобразований, происходивших на его родине.

В качестве приёма, лежащего в основе повествования, оба писателя выбирают *дневник*. С одной стороны, дневниковые записи всегда искренни, в силу чего как нельзя лучше раскрывают мысли и переживания человека и объясняют мотивы его поведения. С другой стороны, человек делится с дневником тем, чего не может доверить окружающим его, даже очень близким людям. Тем более, что по-настоящему близких людей нет у героев обоих романов – *одиночество*, потаённое и неосознанное в романе «Мы» и явное в «1984» – одно из психологических состояний, определяющих жизнь Д-503 и Уинстона Смита. Даже если бы они и захотели рассказать кому-то о своих мыслях, сомнениях и догадках, их бы просто никто не понял. Дружно шагающие в ногу, уверенные в непогрешимости общественного порядка, в котором существуют, замятинские «нумера» далеки от анализа действительности, который постоянно происходит в недрах сознания Д-503, часто помимо его воли. Что уже говорить о запуганных и затравленных

соплеменниках оруэлловского Смита, проверяющего наличием пушинки на обложке дневника ужасающую возможность прочтения сокровенных мыслей, на которые он в принципе не имеет никакого права.

Герои обоих романов по сути очень напоминают друг друга – среднестатистические члены общества, неглупые, в целом профессионально реализованные, способные как к анализу общественного строя, при котором живут, так и к самоанализу. Благодаря своей среднестатистичности оба становятся воплощением черт современной им эпохи. Причём поначалу эти черты рисуют нам абсолютно противоположные картины жизни.

Мироощущение. Герои романа «1984» живут в постоянном ощущении страха: быть замеченными в инакомыслии, быть преданными своими друзьями, знакомыми, а то и собственными детьми, оказаться подслушанными и подсмотренными в своей частной жизни. В противовес им герои Замятина находятся в состоянии постоянного безмятежного, бездумного вселенского счастья стабильности и непогрешимости.

Цветовая гамма этого счастья довольно яркая и разнообразная: голубой цвет спокойного, безоблачного неба, жёлтый цвет всепроникающего солнечного света, розовый цвет любви – не то взгляд на мир сквозь всё искажающие розовые очки, не то суррогат настоящих чувств, привычно символизируемых ярко-красным. И противоположностью этой палитре – серый, тёмный, грязный фон оруэлловского режима.

Быт, в котором обитают наши герои, синонимичен как мироощущению, так и цветовой гамме: неустроенности, поражающей бедности, даже нищете в романе «1984» резко противостоит сверкающий, пронизанный солнцем, льющимся сквозь стеклянные стены, быт полного довольства и обеспеченности романа «Мы».

И всё же уже здесь появляются общие черты, количество которых всё возрастает по мере проникновения в глубинную суть антиутопий.

При ближайшем рассмотрении видим, что оснащённые телекранами, работающими как на передачу информации, так и на контроль извне, оруэлловские лачуги абсолютно идентичны по своей идее застеклённому замятинскому миру: в обоих случаях речь идёт о *прозрачности существования*, не дающего ничего скрыть от всевидящего ока государства. Это необходимо затем, чтобы власть предержащим персонам каждую минуту было ясно, чем дышат и живут граждане, чтобы ничто не нарушало *упорядоченности существования*, обеспечиваемого *сильной тоталитарной властью*: чем меньше свобод, тем меньше мнений и разногласий, тем легче привести всех к общему знаменателю и держать в узде.

Способы удержания в повиновении на первый взгляд не просто различны, но и полярны.

Основанное *на страхе* существование в романе Оруэлла подкрепляется господством «*двоемыслия*» - навязываемого людям способа мышления, при котором человек одновременно придерживается двух взаимоисключающих точек зрения (яркой иллюстрацией двоемыслия являются законополагающие лозунги государства: «*Война – это мир. Свобода – это рабство. Незнание – сила.*»). Это порождает шизофренически

нестабильное состояние, при котором управлять и манипулировать человеком гораздо легче.

Тоталитарная власть у Замятина базируется на вере подавляющего большинства во вселенское счастье, выпавшее на долю им – живущим в самом совершенном и стабильном из миров. Вера эта зиждется на целом ряде составляющих: мощь государства, упорядоченность и математизированность жизни, во главе угла которой стоят полезность и целесообразность.

При разительной несхожести парадоксален общий результат: **полная уверенность в завтрашнем дне, освобождение от надобности анализировать, принимать принципиально важные решения, отсутствие ответственности за свою жизнь.**

Всё это влияет на личность, формируя её определённым образом и приводя к полнейшей унификации и деперсонификации.

Однако, какой бы жёсткой ни была подавляющая сила, её КПД не может быть равен 100%. Верный раб системы, Уинстон Смит, скрывая истинные мысли, придаёт «лицу выражение спокойного оптимизма – наиболее уместное перед телекраном», не ощущает общего экстаза на «пятиминутках ненависти», в лицах знакомых людей пытается увидеть гнетущее его сомнение в правильности и непогрешимости существующего строя, и рука его, руководимая подсознанием, выводит на страницах дневника крамольное «Долой Старшего Брата». А убеждённый в собственном счастье Д-503 при всей своей среднестатистичности тоже отличается от общей массы, затрачивающей одинаковое количество жевательных движений за единицу времени, поющей по утрам гимн и стройными рядами движущейся на работу и прогулку. Лишь его одного тревожит непонятный, не поддающийся логике иррациональный корень квадратный из минуса единицы. Лишь он так эмоционально реагирует на нарушение привычной цветовой гаммы, когда в спокойную жёлто-розово-голубую палитру врываются откровенно ярко-красные губы I-330.

И всё-таки система давит, пытаясь подмять под себя личность, вытравив из неё индивидуальное. Одним из шагов на пути к этому становится *разрыв с прошлым*, с корнями, связывающими человека с ушедшими поколениями, *отрицание истории*.

Ни один человек из продвинутого и целесообразного общества замятинского романа никогда уже и не вспомнит, что в борьбе с главными врагами рода людского Голодом, Завистью и Любовью пришлось пожертвовать восьмью девятыми населения. Зачем вспоминать то, что было несколько сот лет назад? Тем более, что отрыв от прошлого, от старины происходит ежедневно и методично. Д-503 страшен зал, с удовольствием воспринимающий современную механическую музыку и от души смеющийся над старинной классикой, исполняемой вживую на рояле. Но ещё страшнее для него то, что в этом хохочущем зале он абсолютно одинок. Лишь его трогает эта непонятная и непривычная музыка, пробуждающая что-то глубинное, настоящее. И когда ему наконец удаётся слиться в едином порыве с веселящимся большинством, он ощущает глубочайшее облегчение от того, что он такой, как все: так же, как все, мыслит, чувствует, реагирует. Какое счастье – быть таким, как все. Как тяжело мыслить и воспринимать мир иначе.

Отрыв от корней в романе Замятина ощущается так сильно в силу отсутствия истории как таковой.

Что же до оруэлловского режима, то подход к истории здесь и вовсе изощрённо иезуитский. В поддержку «двоемыслия» история тут постоянно перекраивается, переписывается, видоизменяется и подтасовывается в угоду политическим веяниям и требованиям режима. Этим целям подчинена деятельность целого института. Сотни людей изо дня в день заняты тем, что переписывают книги и газетные и журнальные статьи минувших времён, переиначивая события, давая им иную оценку, изымая неудобные имена как из книг и статей, так и из истории. Таким образом, появляется интереснейший термин «нелица» – люди, реально существовавшие, но фактически по политическим соображениям вымаранные из прошлого.

В силу такого отношения к далёкой и близкой истории отношение у главного героя к старине носит романтически-ностальгический характер. Его привлекает оправленный в стекло коралл как отзвук красоты, напрочь отсутствующей в окружающем его мире. Старинная книга манит не только белизной чистой бумаги, но и возможностью выразить на ней свои мысли, что абсолютно невозможно при его образе жизни. Даже полная клопов старая спальня воспринимается как недоступный островок счастья, где можно искренне проявить чувства по отношению к истинно дорогому для тебя человеку.

Отношение к любви, полярное при беглом взгляде, приводит к совершенно идентичным результатам.

С одной стороны полная недозволённость любви в романе Оруэлла: пресечение и преследование настоящих чувств, пропаганда полного воздержания, чему способствует существование Молодёжного антиполового союза. Люди лишены права самостоятельно выбирать себе спутника жизни (впрочем, права выбора граждане этого государства лишены во всех сферах жизни, другое дело, что несамостоятельность в вопросах интимного характера ярче подчёркивает унижительность их положения): брак только по разрешению партии, причём обязательно между людьми, не ощущающими по отношению друг к другу никакой симпатии, совокупление только с целью воспроизведения потомства – сугубо физиологический процесс, вынесенный за скобки эмоциональной сферы.

Отсюда и *деградация семьи*, где отношения базируются на взаимном недоверии и отчуждённости, на взаимном доносительстве, сопровождающемся гордостью за исполнение долга, ложно трактуемого государством, где отсутствуют настоящие родственные отношения, предполагающие ласку, заботу, доверие. Личность постоянно находится в состоянии душевного дискомфорта, незащитности от нарастающей опасности, в результате чего в человеке годами вырабатывается и десятилетиями поддерживается неискоренимый комплекс неполноценности.

С другой стороны похожая на упорядоченную вседозволённость система взаимопользования в романе Замятина: объявленная наряду с Завистью и Голодом одним из врагов цивилизации, Любовь здесь искоренена как факт. Взаимозапись на любовь – и вместе с розовым талоном и контролируемым государством правом на опускание штор человек получает свой кусочек нормированного обязательного счастья, обладая

которым, наши герои вовсе не выглядят счастливыми. Они похожи скорее на роботов, автоматически выполняющих заложенную в них программу. Даже в описании трогательной пухло-розовой О-90 автор подчёркивает не столько чувства главного героя, которые практически отсутствуют, сколько привычку, нежелание задумываться над природой самых тонких из человеческих отношений.

И как следствие – *отсутствие семьи* как общественного института, исчезновение каких бы то ни было родственных отношений – муж-жена, дети-родители. Деторождение строго контролируется государством, которое и определяет (в соответствии с искусственно созданным понятием материнской нормы), кому производить на свет потомство.

Таким образом, в корне противоположные подходы приводят к одному результату – **уничтожению чувств, вытравлению человеческого из человека, полнейшей нравственной деградации общества, приходу человека к животному способу существования.**

И всё же именно любовью выверяют оба автора личностный потенциал своих героев: каждому из них предстоит пройти экзамен на настоящие чувства, на связанные с ними силу духа, умение выстоять, не предать, остаться человеком в самых тяжёлых обстоятельствах. Оба автора пытаются решить один и тот же вопрос: что будет с задавленным государственной машиной человеком, если в один прекрасный момент чувства в нём возобладают, если человеческое возьмёт верх? Но для этого кто-то должен разбудить в человеке этот всепобеждающий поток чувств.

Оба писателя сходны в источнике этой энергии, отдавая предпочтение сильному женскому началу. И если главные герои обеих антиутопий – Уинстон Смит и Д-503 – среднестатистические представители общества, то женщины, с которыми сталкивает их судьба, - явления воистину уникальные для строя, в котором существуют.

Они очень похожи – оруэлловская Джулия и замятинская I-330. Обе сильные и волевые, рискованные и энергичные, страстные и чувственные, ломающие стереотипы и выходящие за рамки, продиктованные общественным строем. Эти мятежные натуры глотком свежего ветра врываются в жизнь главных героев и, не давая опомниться, рушат прежние взгляды, готовя плацдарм для становления новой личности. Интересно, что оба автора выбирают один и тот же путь этого становления – через любовь. Именно это запретное в обоих романах чувство способно, по мнению писателей, пробудить человеческое в человеке, поднять его с колен, расправить плечи, дать почувствовать себя свободной личностью. Окрылённому любовью теперь тесен этот мелкий, сковывающий, фальшивый мир.

Итак, процесс становления личности можно в обобщённом виде свести к формуле – *через любовь к бунту*. Участвует в антигосударственном заговоре строитель Интеграла верный раб системы Д-503. Начинает подпольную борьбу против ненавистного лживого и оупляющего государства законопослушный Уинстон Смит.

А как же система? О, она готова защищаться и защищать своих смиренных граждан от их внезапно возникшей революционной составляющей.

Государство могло бы уничтожить своих внутренних врагов, но тогда не останется ощущения полной и безоговорочной победы над ними. *Превратить вчерашних врагов в послушных и преданных рабов системы* – вот её главная цель.

Попавший в страшные застенки Министерства любви, Уинстон Смит сломлен дважды. Подверженный изнуряющим пыткам, сопровождающимся физической болью, на каком-то этапе он обречённо соглашается с тем, что дважды два – пять – капитулирует интеллектуально. Но всё же самое главное остаётся нетронутым – он продолжает любить Джулию и, преодолевая боль и страх, не выдаёт её властям. «Они не смогут влезть в тебя», - сказала Джулия. Но они смогли влезть». В отчаянной попытке спастись от изощрённых пыток он кричит: «Отдайте им Джулию! Не меня!» – и капитулирует нравственно. «Он любил Старшего Брата», – так декларирует финальная фраза романа полное торжество партии: борьба между Смитом – свободной личностью и Смитом – благодарным рабом системы закончилась победой последнего.

Практически то же происходит и с главным героем романа «Мы». Восстание не состоялось – как всегда, нашлись предатели. И подвергшийся сильнейшей психологической обработке Д-503 предаёт не только участников заговора, но и любимую женщину. Более того, он искренне возвращается к ещё недавно поколебленной вере в Единое Государство как высшее достижение человечества. Завершает этот мучительный процесс деградации личности и возвращения в святая святых тоталитарной системы иезуитская операция, которой подвергается главный герой, – операция по вырезанию фантазии. Отныне путь назад отрезан, «потому что разум должен победить» – именно этим и заканчивается роман.

Таким образом, в обоих произведениях государство апробируется человечностью, и становится ясно, что они не пригодны для существования в них полноценной гармоничной личности.

Оба варианта предложенных политических систем, при всей кажущейся различности, приводят к одним выводам: **лишившись индивидуальности, свободы, права самостоятельно принимать решения, нести ответственность, определять свою жизнь, человек будущего перестает быть человеком.**

Опасность тоталитаризма, манипулирования сознанием, обезличивания и унификации – всего того, что убивает человеческое в человеке, к сожалению, остаётся и сегодня. И потому можно согласиться с мнением историков о романах-антиутопиях: если мы не дожили до описанного в них будущего, то этим мы в определённой степени обязаны им, а если мы всё-таки придём к нему, мы должны будем признать, что знали, куда идём.